

СТАТЬИ Л.Я. ГУРЕВИЧ О Н.В. ГОГОЛЕ В КОНТЕКСТЕ ЭПОХИ

Книгу Л.Я. Гуревич «Литература и эстетика» открывают статьи, посвященные жизни и творчеству Н.В. Гоголя. Материал в книге расположен не в хронологической последовательности. Почему же автор поместила первыми статьи именно о Н.В. Гоголе? Л.Я. Гуревич так аргументирует свой выбор: «...Гоголь, именно Гоголь, нужен нам сейчас более многих других великих <...>. Именно в Гоголе совершалась, с безумной, страдальческой напряженностью всего его существа, та духовная работа, которая совершается и все еще не завершилась в сознании нашего времени: синтез эстетических, нравственных и социальных, или, как говорил Гоголь, «гражданских» идей на почве религиозного мироощущения и мирозерцания» [1, 2].

В течение 1909 г. Л.Я. Гуревич написала три статьи о нем: «Воскресение Гоголя», «Гоголь и Пушкин», «Гоголь как предвестник художественного обновления театра». Такой интерес Л.Я. Гуревич к личности классика нельзя считать ни исключительным, ни случайным: в ту пору развернулась своего рода борьба за наследие писателя, которое разные литературные группы стремились использовать для пропаганды своих позиций.

1909 г. был знаменателен: по всей России широко праздновалось столетие со дня рождения Н.В. Гоголя. Согласно историческим справкам, с особенно большим размахом гоголевский юбилей отмечался в Москве. К участию в юбилейных торжествах были приглашены общества из разных стран мира. В числе почетных гостей присутствовали известные литераторы: И.Ф. Анненский, З.Н. Гиппиус, М. Горький, В.И. Иванов, Ф.К. Сологуб, К. Гамсун (Норвегия), С. Лагерлеф и А. Стриндберг (Швеция), Г. фон Гофмансталь (Австрия), Б. Шоу, Р. Киплинг и Т. Гарди (Англия), Т. Манн (Германия), Г. д'Аннунцио (Италия).

Кульминацией 100-летнего юбилея стало открытие памятника Н.В. Гоголю работы скульптора Н.А. Андреева на Пречистенском бульваре. Но юбилей рассматривался, прежде всего, как литературный праздник. И если программа торжественных юбилейных мероприятий была рассчитана на три дня, то гоголевская полемика в прессе началась задолго до начала празднования и продолжалась после его завершения.

О Н.В. Гоголе тогда писали много. Одни стремились отдать «литературный поклон» великому писателю, другие видели уникальную возможность рассмотреть творчество предшественника иначе, чем прежде. Именно в этот период происходило преодоление оценок В.Г. Белинского, Н.Г. Чернышевского, А.И. Герцена. По словам В.В. Зеньковского, в Н.В. Гоголе увидели не главу реалистической школы, а писателя-мистика, символиста: «...улетучивается как раз то, что казалось наиболее бесспорным у Гоголя: его

реализм» [2, 155]. Произведения Н.В. Гоголя интерпретировались теперь с иных точек зрения. Так, например, И.Ф. Анненский в статье «Художественный идеализм Гоголя» (1902 г.), С.К. Шамбинаго в статье «Трилогия романтизма» (1911 г.) писали о Н.В. Гоголе как о художнике слова, Д.С. Мережковский в статье «Гоголь и чёрт» (1906 г.), затем вышедшей в дополненном виде как книга «Гоголь. Творчество, жизнь и религия» (1909 г.), представил Н.В. Гоголя как религиозного писателя, борца со злом. Интересную и оригинальную интерпретацию гоголевского творчества дал В.В. Розанов.

В канун юбилея журналы и газеты пестрили статьями, приуроченными к этому событию. В «Новом журнале для всех» была опубликована статья Л.Я. Гуревич «Воскресение Гоголя», в которой она определила свое отношение к классику и обозначила его роль в литературном процессе. Этот журнал выходил с подзаголовком «Самый дешевый, ежемесячный, доступный широкой массе читателей». Вероятно, эта направленность на массовость и предопределила выбор Л.Я. Гуревич, которая стремилась донести до широкого читателя мысль, что значение творчества великого писателя для русской литературы колоссально. По ее мнению, Н.В. Гоголь – гений, предвосхитивший времена и сроки: «Гоголь еще спит для русской литературы», - писала Л.Я. Гуревич, высказывая уверенность, что «пережив исторически-необходимую, но опасную индивидуалистическую полосу литературы, русский писатель вновь обретет способность, свойственную только цельному человеку, способность отрешаться от своего «я» и сожигать его во имя Высшего, способность ощущать жизнь во всей полноте, со всем, что творится в ней, - и рыдать, и смеяться» [1, 3]. Л.Я. Гуревич утверждает, что творчество этого писателя несомненно должно послужить источником новых вдохновений для современных авторов, а убеждение Н.В. Гоголя, что «писатель есть орудие высшей истины и делатель жизни», по мнению критика, – недостающий элемент в творчестве современных ей авторов. Но Л.Я. Гуревич полагала, что настанет тот день, когда слова эти станут лозунгом литературы.

Для более глубокого понимания творчества классика Л.Я. Гуревич считала необходимым принимать во внимание исторический, а также биографическо-бытовой контекст его произведений: «...неисчерпаемые сокровища его мыслей, литературных суждений и характеристик, разбросаны в его статьях и отрывках, в его “Переписке с друзьями”» [1,2].

За последние двадцать лет XIX в. в научный оборот были введены новые биографические данные о Н.В. Гоголе, которые разрушали стереотип его образа, сложившегося в обществе. Это и послужило, видимо, толчком к переосмыслению его творчества. К тому же выросло новое поколение критиков, в том числе, и критиков-символистов, испытывавших потребность в переосмыслении его наследия, освобожденном от социологизма.

В.В. Полонский в одной из своих статей произвел анализ крупных общенациональных изданий непосредственно в период гоголевских празднований, которые, по его мнению, служили средствами «массовой

мифологизации и культурной реканонизации» образа Н.В. Гоголя. Автор выбрал четыре газеты, демонстрирующие «узловые точки идеологического спектра русской общественной мысли начала XX в.»[5]. Это православно-почвеннические “Московские ведомости” и консервативное “Новое время”; левые: кадетская “Речь” и умеренно либеральное интеллигентское “Слово”, представителем которого и была Л.Я. Гуревич. Рассматривая осмысление фигуры писателя в юбилейной газетной публицистике, автор подчеркивает, что эти газеты являют четыре разных стратегии канонизации и массовой мифологизации образа классика. Представлены они в основном большими юбилейными статьями в жанре “очерка жизни и творчества”.

В православно-почвенническом издании “Московских ведомостей”, по мнению В.В. Полонского, авторы моделировали благочестивый цельный образ писателя. Этой стратегии придерживались сотрудники издательства: А.М. Введенский, изобразивший Н.В. Гоголя цельной духовной фигурой в программной статье “Гоголь и его “дело жизни””; Г. Георгиевский, противопоставивший «смирненного проповедника сугубо церковных истин горделивому ересиарху Толстому» в статье “Гоголь на закате”. Подытожил концепции своих коллег В.А. Истомина, указав, что, хотя Гоголь не создал положительного героя, но “из мира презренной жизни он все-таки сумел выделить три путеводные светоча: религию, искусство и природу”[3]. В целом, по мнению В.В. Полонского, “Московские ведомости” романтизировали фигуру Н.В. Гоголя, вместе с тем, пытались всячески “затушевать” трагическую раздвоенность писателя.

Другая правая газета «Новое время» совершенно иначе изображала Н.В. Гоголя. Но ее позиция оказалась самой неожиданной и, по словам автора статьи, «наиболее близкой тем новаторским стратегиям модернистской мифопоэтизации писателя, которые выстраивались в символистских кругах»[5]. Объяснялось это сотрудничеством в этом издании В.В. Розанова, чьи оценки Н.В. Гоголя оказали определяющее влияние на символистскую гоголиану. Гоголь, по Розанову 1890—1900-х, неизменно выступает воплощением гениально-деструктивной иррациональности, духовным “некрофилом”, “мертвой душой”, “чертом”, “оборотнем”. Такие аттестации не могли попасть в юбилейный номер газеты, но редакция поместила статью “Гений формы”, в которой “двойственность” и “антиномичность” Н.В. Гоголя выведены в центр и акцентированы. Но публикацией в «Новом времени», вызвавшей резонанс в литературных кругах, стала статья М.О. Меньшикова “Драма Гоголя”. Органическому аристократизму Пушкина, благодарно принимавшего жизнь в ее данности “как факт природы, как гегелевское существо”, он противопоставляет демократизм Гоголя — “первого отрицателя русской жизни”, “захохотавшего мефистофельским обличением”. Появление этой статьи вызвало бурю негодований.

Позиция «Слова» для нас особенно интересна в связи с сотрудничеством в нем Л.Я. Гуревич. Целью этого печатного органа было, по словам В.В.

Полонского, «примирение противоречий в контексте канонических представлений не просто о Гоголе, а обо всем литературном ландшафте классики. Для этого дисгармоничного, метущегося Гоголя нужно было уравновесить – с помощью Пушкина» [5]. Именно с этой целью были написаны программные статьи И.Л. Щеглова «Пушкин у Гоголя на Мещанской» и Л.Я. Гуревич «Гоголь и Пушкин». По словам В.В.Полонского, оба автора попытались, как бы в ответ на размышления М. О. Меньшикова, “создать романтическую картину высокого литературного дружества”, “божественного дуумвирата” русской литературы, методично проецируемого на конкретный идеальный образец — “русские Гёте и Шиллер”, “синтетический союз классика-наставника и романтика-ученика”[4].

В статье Л.Я. Гуревич с воодушевлением попыталась изобразить взаимоотношения Н.В. Гоголя и А.С. Пушкина именно в таком ключе: «Может быть, именно в этом умиротворении, которое проливал в его душу обаятельный образ Пушкина, его нежная заботливость, его тонкое, светлое понимание и доверие, - заключается вся тайна его благодатного влияния на Гоголя, влияния, которому сам Гоголь до конца дней придавал такое бесконечное значение»[1,9]. Многие цитаты автор статьи приводила из записок А.О. Смирновой-Россет, которые, как мы знаем, оказались подложными. Таким образом, миф о близкой дружбе ученика-Гоголя и учителя-Пушкина, созданный в этих «Записках», в статье лишь укреплялся. Но в своих убеждениях о благодатном воздействии Пушкина на Гоголя Л.Я. Гуревич была непоколебима: «Чувствуя подле себя Пушкина, Гоголь словно обретал недостающую ему способность видеть вещи не раздробленными, не в изуродованном виде, и на близком расстоянии» [1,12]. Далее она цитировала письмо Н.В. Гоголя М.П. Погодину: «Когда я творил, я видел перед собою Пушкина... Ничего не предпринимал, ничего не писал я без его совета. Все, что у меня есть хорошего, всем этим я обязан ему». [1,12]. Идеализация отношений достигала кульминации в строках: «Пушкин взял и спас душу Гоголя. Спас уже тем, что вскрыл в нем родник цельной, радостной бесконечно доверчивой любви. <...> Он жил, он дышал Пушкиным!»[1,11]. Вероятно, автор искренно верила в реальность изображаемых событий. Статья Л.Я. Гуревич «Гоголь и Пушкин», снабженная, на первый взгляд, правдивыми биографическими свидетельствами, сыграла немаловажную роль в укоренении этой легенды в сознании не только современников, но и последующих поколений.

Ее третья статья, посвященная Н.В. Гоголю, была опубликована в «Ежегоднике Императорских театров» под названием «Гоголь как предвестник художественного обновления театра» (первоначальное ее заглавие было: «Взгляды Гоголя на искусство актера и режиссера»). Во время празднования гоголевского юбилея практически на всех театральниx подмостках ставились пьесы Н.В. Гоголя. Л.Я. Гуревич, будучи авторитетным театроведом, не могла обойти молчанием творчество Гоголя-драматурга.

В начале 900-х гг. для Л.Я. Гуревич приоритетными стали вопросы, связанные с историей развития театрального искусства в России. Отвергая происходящее в современном ей театральном мире, она искала своих единомышленников среди драматургов ушедшей эпохи. Наиболее близким по духу оказался для нее Н.В. Гоголь. Его взгляды на сценическое искусство она не только разделяла, но и высоко ценила: "Мысли Гоголя о театре, рассеянные в его мелких прозаических заметках, письмах как дерево зимою, вдруг снова оживают, зацветают для нас, волнуют наши души тем свежим весенним ароматом, который всегда вдыхаешь, как что-то новое"[1,18].

Начало XX века – период повышенного интереса к сценическому искусству в целом, к практическому обновлению театра. В этот период, с точки зрения Л.Я. Гуревич, вопросы, поставленные Н.В. Гоголем более чем полвека назад, стали чрезвычайно актуальными: о художественном единстве сценических постановок, о роли режиссера, о методах коллективного творчества на сцене. "Все эти вопросы до сих пор еще вызывают тучи недоразумений, бури горячих и запутанных споров", - писала Л.Я. Гуревич. Она снова обратилась к тезису, выдвинутому в статье «Воскресение Гоголя»- время Гоголя еще не настало: "Многие мысли об искусстве Пушкина и Гоголя и теперь еще не современны: чтобы принять их во всей полноте и глубине, в их настоящем смысле, наша рядовая литература, не говоря уже о большой публике, должна еще через многое пройти, об многое расширяться в своей эстетической косности" [1,17].

Л.Я. Гуревич была солидарна с Н.В. Гоголем, которого все не удовлетворяло в русских театрах: неинтеллигентность актеров, условная напыщенность их игры в трагедии и пошлый водевильный тон в исполнении комедии, отсутствие смысла и вкуса в гримах и костюмах, общее неряшество постановок, что, как выражается Гоголь в «Развязке Ревизора», дает «гниль, а не искусство»[1,20]. Драматург мог особенно чувствовать недостатки современного ему театра и мечтать о театре высоком, художественно-благородном, передающем замысел автора не в отдельных талантливо исполненных ролях, а во всей его "целокупности", во всем богатстве его перекрещивающихся, сплетающихся в один узел психологических мотивов. Все эти недостатки Л.Я. Гуревич видела и в современных ей постановках. Спустя полвека, по ее мнению, проблемы оставались прежними. Устами классика Л.Я. Гуревич пыталась призвать к профессионализму своих современников: "Не извне, а изнутри должен подходить актер к изучаемой им роли". Критик утверждала, что актер – это не просто исполнитель воли, "докладчик" слов и мыслей драматурга, а создатель живого, пластического образа на сцене, который только намечен автором пьесы. «При этом, - писала Л.Я. Гуревич, - всякий актер может по-своему подойти к произведению автора, увидеть в нем то, чего не увидели другие, дать ему совершенно новое освещение и воплощение»[1,26]. Таким образом, критик ожидала от актеров креативности, творчества.

Л.Я. Гуревич полагала, что театральное искусство “погрязло в рутине” и перестало выполнять надлежащую ему роль в обществе. По ее мнению, театр должен в первую очередь выполнять функцию нравственного и эстетического воспитания, мысли о “самоценности” искусства не воспринимала всерьез. Залог успеха в практическом обновлении современного театра Л.Я. Гуревич видела в стремлении актеров к самосовершенствованию, а также в творческом подходе как актеров, так и режиссеров. Об этом она писала: «Не отдаваясь во власть театральных традиций, а напротив, постоянно вновь и вновь порывая с ними, заново пересматривая пьесы, уже выцветшие в глазах публики при устаревшем их толковании, заново подходя к ним и в целом и частностях, должен работать актер и режиссер театра. И тогда театр будет не источником умственного и эстетического развращения, а живую нравственную силу в обществе, двигателем его на пути к высшим целям. Но для этого сами актеры должны подняться на гораздо большую нравственную и умственную высоту, ибо нет истинного творчества, нет развития таланта там, где нет нравственного совершенства и неустанного духовного труда!»[1,32].

Все гоголевские статьи Л.Я. Гуревич написаны с чувством глубокого уважения к писателю-классику. Но при исследовании данного материала выявляется определённая двоякость позиции автора. С одной стороны, в своих статьях критик шла путем идеализации устоявшегося образа Н.В. Гоголя. С другой стороны, признавала “недосказанность” в существовавшем на тот момент портрете писателя: «Гений предвосхищает времена и сроки: образы, идеи, рождающиеся из его души, часто оказываются не в полном объеме и значении доступны его современникам, и лишь какая-нибудь позднейшая эпоха, ощутив себя родственной ему в основных интересах и стремлениях духа, вдруг раскроет для себя и для последующих поколений все сокровища его мыслей, всю вещую многозначительность его образов» [1, 1]. Но при всем этом Л.Я. Гуревич полностью игнорировала тот факт, что “родственная” гению эпоха уже настала. Параллельно с выходом статей Л.Я. Гуревич, ее современники нашли гоголевские “сокровища” и рассказывали об этом, причём каждый интерпретировал их по-своему. Так, например, символисты, переосмысляя творчество классика, освобождались от навязанных им оценок В.Г. Белинского и Н.А. Добролюбова, выстраивали свои концепции. Но Л.Я. Гуревич пыталась авторитетом Н.В. Гоголя воздействовать на молодых авторов, вразумить их, направить в “правильное”, по ее мнению, русло, настаивая на приоритетной воспитательной функции искусства, полностью отвергая театральные эксперименты современных драматургов. Таким образом, Л.Я. Гуревич использовала *свое понимание* наследия писателя-классика в борьбе с современной литературой и театром.

Литература

1. Гуревич Л. Я. Литература и эстетика / Любовь Яковлевна Гуревич. – М.: Русская мысль, 1912. – 321 с.

2. *Зеньковский В.В.* Русские мыслители и Европа / В.В. Зеньковский; [сост. П. В. Алексеева].- М.: Республика, 2005.- 367 с. - ISBN 5-250-01904-8.
3. *Истомин В.А.* Николай Васильевич Гоголь // Московские ведомости. 1909. 26 апреля.
4. *Меньшиков М.О.* Драма Гоголя // Новое время. 1909. 21 марта. <http://webkamerton.ru/2010/02/n-v-gogol-v-ocenke-m-o-menshikova/>
5. *Полонский В.В.* Взгляд на столетие сто лет спустя, или Гоголь в 1909 году: вековой юбилей писателя по материалам русских газет. НЛО. Независимый филологический журнал. № 3, 2010. <http://magazines.russ.ru/nlo/2010/103/>

Анотація

Статті Л.Я. Гуревич про Н.В. Гоголя розглянуті у контексті святкування 100-річного ювілею письменника. Всі три статті були написані у ключі канонізації образу класика. Наполягаючи на пріоритетній виховній функції мистецтва, повністю відкидаючи театральні експерименти сучасних драматургів, Л.Я. Гуревич використовувала своє розуміння спадщини письменника-класика у боротьбі із сучасною літературою та театром.

Ключові слова: контекст епохи, релігійність, реалізм, канонізація, міфологізація, інтерпретація творчості письменника.

Аннотация

Статьи Л.Я. Гуревич о Н.В. Гоголе рассмотрены в контексте празднования 100-летнего юбилея писателя. Все три статьи были написаны в ключе канонизации образа классика. Настаивая на приоритетной воспитательной функции искусства, полностью отвергая театральные эксперименты современных драматургов, Л.Я. Гуревич использовала *свое понимание* наследия писателя-классика в борьбе с современной литературой и театром.

Ключевые слова: контекст эпохи, религиозность, реализм, канонизация, мифологизация, интерпретация творчества писателя.

Summary

The articles of L.Y. Gurevich about N.V. Gogol were examined in the context of the celebration of the 100-th anniversary of the writer. All these articles were written in the key of the canonization of the classic's image. Insisting on the priority of the educational function of art, completely rejecting the theatrical experiments of modern playwrights, L.Y. Gurevich used her own understanding of the classic writer's heritage in the fight against modern literature and theater.

Key words: the context of the epoch, religion, realism, canonization, mythologization, the interpretation of the writer's work.